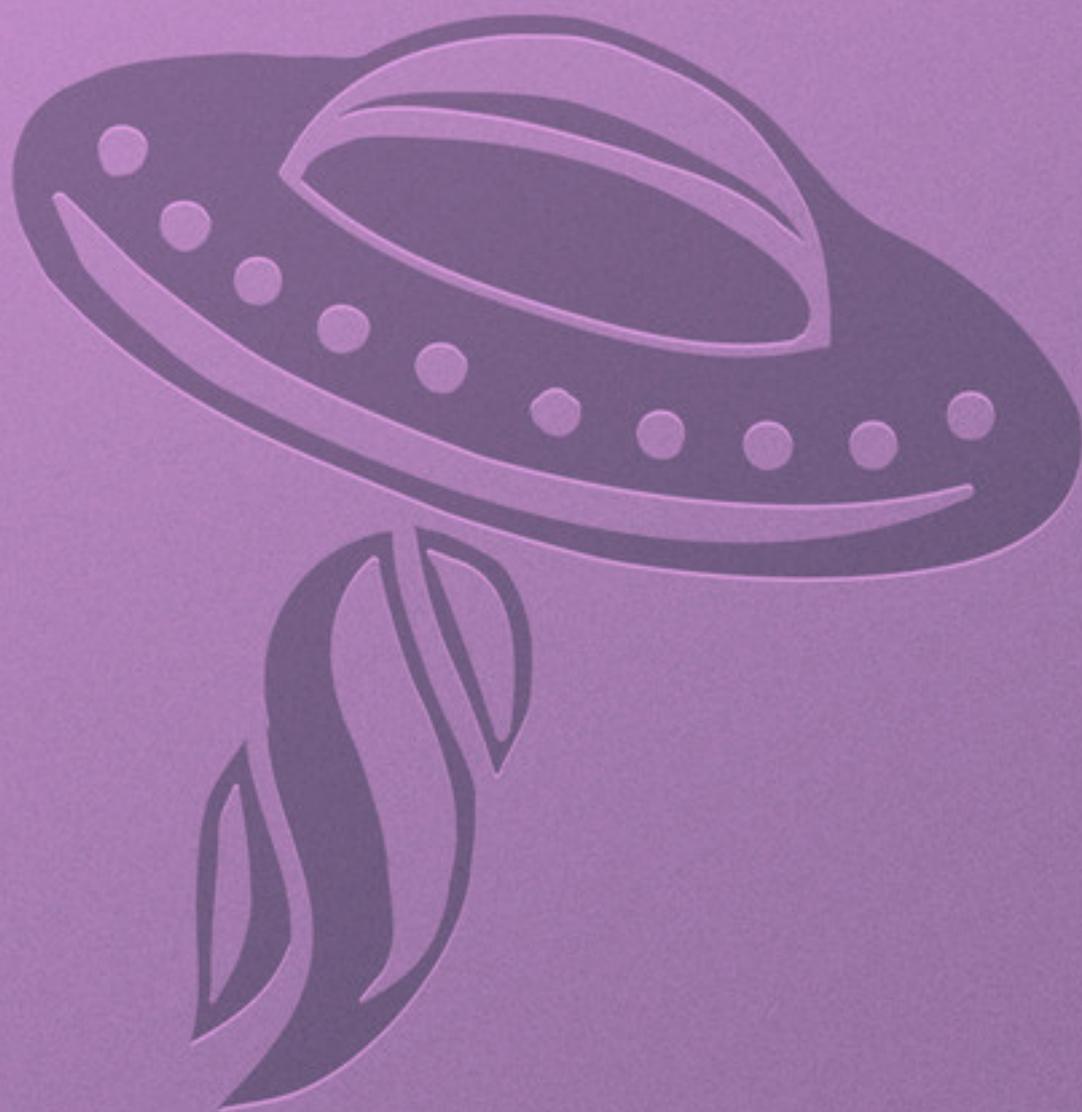


Кир Булычев

Поломка на линии



*Часть сборника
Монументы Марса (сборник)*



Кир Булычев

Поломка на линии

«ЭКСМО»

1968

Булычев К.

Поломка на линии / К. Булычев — «Эксмо», 1968

ISBN 5-699-18314-0

«Дом наш старый. Настолько старый, что его несколько раз брали на учет как исторический памятник и столько же раз с учета снимали – иногда по настоянию горсовета, которому хотелось этот дом снести, иногда ввиду отсутствия в нем исторической ценности. Со временем его обязательно снесут, но, очевидно, это случится не скоро...»

ISBN 5-699-18314-0

© Булычев К., 1968

© Эксмо, 1968

Кир Булычев

Поломка на линии

Дом наш старый. Настолько старый, что его несколько раз брали на учет как исторический памятник и столько же раз с учета снимали – иногда по настоянию горсовета, которому хотелось этот дом снести, иногда ввиду отсутствия в нем исторической ценности. Со временем его обязательно снесут, но, очевидно, это случится не скоро.

Лет триста назад в доме жила одна семья. Родственники боярина, который ничем не прославился. Потом боярин умер, потомки его измельчали и обеднели, и дом пошел по рукам. К концу прошлого века его разделили на квартиры – по одной на каждом из трех этажей, а после революции дом уплотнился.

В нашей квартире на первом этаже восемь комнат и пять семей. Сейчас в ней остались в основном старики и я, молодежь рассосалась по Химкам и Зюзиным. Меня же моя комната вполне устраивает. В ней двадцать три метра, высота потолка три тридцать, со сводами, и есть альков, в котором раньше стояла моя кровать, а теперь я завалил его книгами. Указывать мне на беспорядок некому. Мать уехала к отчиму в Новосибирск, а на Гале я так и не женился.

В ту ночь я поздно лег. Я читал последний роман Александра Черняева. Недописанный роман, потому что Черняев умер от голода в Ленинграде в сорок втором году. Сейчас, когда вышло его собрание сочинений, роман поместили в последнем томе вместе с письмами и критическими статьями.

Это очень обидно – ты знаешь, что читать тебе осталось страниц десять, не больше. И действие только-только разворачивается. И оно так и не успеет развернуться, и ты никогда уже не узнаешь, что же хотел сделать старик Черняев со своими героями, и никто уже не допишет этот роман, потому что не сможет увидеть мир таким, каким его видел Черняев. Я отложил том и не стал перечитывать ни критических статей, ни комментариев к роману одного известного специалиста по творчеству Черняева. Специалист делал предположения, каким бы был роман, если бы писатель имел возможность его закончить. Я знал, что Черняев писал роман до самого последнего дня, и знал даже, что на полях одной из последних страниц было приписано: «Сжег последний стул. Слабость». Больше Черняев не позволил себе ни одного лишнего слова. Он продолжал писать. И писал еще три дня. И умер. А рукопись нашли потом, недели через две, когда пришли с Ленинградского радио, чтобы узнать, что с ним.

Как видите, мысли у меня в тот вечер были довольно печальные, и герои книги никак не хотели уходить из комнаты. Они силились мне что-то сказать... И тут раздался звон.

Стены в нашем доме очень толстые. Наверно, конструктор конца семнадцатого века сделал запас прочности процентов в восемьсот. Даже перегородки между комнатами кирпича в три. Так что, когда соседи играют на пианино, я практически ничего не слышу. Поэтому я не сомневался, что звон раздался именно у меня в комнате. Станный такой звон, будто кто-то уронил серебряную вазу.

Я протянул руку и зажег свет. Герои книги исчезли. Тишина. Что бы такое могло у меня упасть? Я полежал немного, потом меня потянуло в сон, и я выключил свет. И почти немедленно рядом что-то громынуло. Коротко и внушительно.

Мне стало не по себе. Я человек абсолютно несусеверный, но кто мог бы кидаться всякими предметами в моей комнате?

На этот раз я зажег свет и поднялся с кровати. Я обошел всю комнату и даже заглянул в альков. И ничего не нашел. А когда я повернулся спиной к алькову, оттуда снова послышался звон. Я подпрыгнул и повернулся на сто восемьдесят градусов. И опять же ровным счетом ничего не обнаружил.

Позвякивание уже не прекращалось. Через каждые десять секунд раздавалось – дзинь. Потом пауза. Я отсчитывал – раз-и, два-и... После десятой секунды снова – дзинь.

Я, честно говоря, чуть с ума не сошел от беспокойства. У тебя в комнате кто-то звенит, а ты не можешь догадаться, что же случилось. Я начал систематическое исследование комнаты. Я ждал, пока раздастся звон, и потом делал шаг в том направлении, откуда слышался звук. Я уже догадался, что он доносится со стороны гладкого куска стены между альковом и дверью. После четвертого шага я подошел к самой стене и приложил ухо к ней. «Раз-и...» – считал я. На десятой секунде прямо рядом с ухом раздался четкий звон.

Так, решил я, будем думать, чем объясняется этот феномен. Стена выходит другой своей стороной в коридор, в глубокую выемку, в которой раньше стояли два велосипеда, а когда велосипеды уехали в Химки-Ховрино, то бабушка Каплан поставила туда шкаф под красное дерево. В этом шкафу, по общему согласию, мы всей квартирой хранили барахло, которое надо бы выбросить, но пока жалко.

Ясно. Надо выйти в коридор и посмотреть, что происходит в шкафу. Я и не ожидал ничего там увидеть – стена ведь толстая, а звон раздается у самого уха. Но все-таки надел тапочки и выглянул наружу. Все спали. Коридор был темен, я зажег лампочку и при свете ее убедился, что в коридоре никого нет. Я подошел к шкафу, приоткрыл его. Мне пришлось придержать детскую ванночку, полную довоенных журналов, которая сразу решила вывалиться наружу. Другой рукой я подхватил пустую золоченую раму и навалился животом на остальные вещи. В такой позе я стоял, наверное, минуты полторы. Наконец мне показалось, что я слышу отдаленный звон. Может быть, только показалось – уж очень сильно я прислушивался. В любом случае – звуки доносились не из шкафа. Я закрыл шкаф и вернулся в комнату. И только вошел, как тут же услышал – дзинь...

Наверное, целый час я прикладывал ухо к разным точкам стены, пока не убедился совершенно точно, что звук рождается за серым пятном на обоях на уровне моей груди, в восьмидесяти сантиметрах от угла алькова. Теоретическая часть моего истолкования окончилась. Теперь пора было переходить к эксперименту.

Мне уже совершенно расхотелось спать. Я подвинул к стене стул и принялся думать, отрывать мне обои или воздержаться. И не знаю, к какому бы я пришел решению, если бы не сильный удар, почти грохот, сменивший равномерное позвякивание. И тут наступила тишина.

Нож я взял на кухне. Со стола бабушки Каплан. Нож был длинный, хорошо заточенный (моя работа) и с острым концом. То, что нужно. Еще я взял молоток. Простукать стену. Странно, что я не догадался сделать этого раньше, но меня можно понять – не каждый день в вашей стене заводятся привидения. Я стучал по стене не очень громко. Все-таки соседи спят. В стене простучивался четырехугольник, семьдесят на семьдесят, за которым явно находилась пустота. Теперь сомнений не оставалось. Я взялся за нож и вырезал кусок обоев в центре этого квадрата. Обои отделились с легким треском, обнаружив под собой обрывки газеты и клочок голубой стены. Я вдруг вспомнил, что такой стена была во время войны, и даже вспомнил, какая у нас тогда стояла мебель, и вспомнил, что у нас было затемнение – черное бумажное полотно с мелкими дырочками – как звездное небо. И я его называл не затемнением, а просвещением, и мама всегда смеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.